

Т. Г. Таирова, К. Е. Нетужилов*

ПЕТР I В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье рассматривается образ Петра I в польской историографии. Обращается внимание на то, что не существует специальной польской петрополитаны, а образ царя обычно рассматривается в параллели с Августом II и событиями Северной войны в преломлении к Речи Посполитой. В статье делается краткий обзор основных польских работ, затрагивающих образ Петра в советский период, а также отмечаются спорные моменты в работах Е. С. Каминского и других современных польских исследователей. Особое внимание уделяется монографии Я. Бурдовича-Новицкого, которая полностью посвящена образам Петра I и Августа II. В частности, рассматривается оценка автором планов и стратегии русского царя, роли Августа II в начале Северной войны, политики Речи Посполитой в отношении Правобережной Украины и др. Хаеся характеристика источниковой базы работ, отмечается общее хорошее знание польскими исследователями опубликованных источников по петровской эпохе и широкое использование архивных материалов.

Ключевые слова: Петр I, историография, Польша, Август II, Северная война.

T. G. Tairova, K. E. Netuzhilov

PETER I IN THE CONTEMPORARY POLISH HISTORIOGRAPHY

The article examines the tradition of the image of Peter I in the Polish historiography. Particularly to the fact that there is no special Polish Petropolitan tradition, and the image of the tsar is usually viewed in parallel with August II and the events of the Northern War in relation to the Polish-Lithuanian Commonwealth. The article provides a brief overview

---

* Таирова Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории народов стран СНГ, Санкт-Петербургский государственный университет; t.tairova@spbu.ru

Нетужилов Константин Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; konstnet@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

of the main Polish works on Peter during the Soviet period, and also notes controversial points in the works of E. S. Kaminsky and other contemporary Polish researchers. Particular attention is paid to the monograph by J. Burdovich-Novitsky, which is completely devoted to the images of Peter I and August II. In particular, it characterizes the author's assessment of the plans and strategies of the Russian tsar, the role of Augustus II at the beginning of the Northern War, the policy of the Commonwealth in relation to the Right-Bank Ukraine, etc. It includes the characteristics of the source base of the works, emphasizing the general good knowledge of the published sources on the Peter's era and the widespread use of archival materials by Polish researchers.

Keywords: Peter I, historiography, Poland, August II, Northern War.

В польской историографии исторически сложилась традиция рассматривать фигуру Петра I исключительно в контексте правления Августа II. Отдельных работ, посвященных именно Петру, написано не было. При этом польские исследователи еще с советских времен имели возможность работать с архивными материалами, хранящимися в России, и прежде всего с фондами Российского государственного архива древних актов (при СССР — ЦГАДА). Прекрасное знание русского языка открывало им также возможность использовать изданные материалы, такие как «Письма и бумаги императора Петра Великого» и многие другие. Обширная и весьма солидная источниковая база и хорошее знание российской литературы заметно отличают польские работы, связанные с Петром I, от большинства западных публикаций.

Некоторые аспекты политики Петра были затронуты в работах столпов польской исторической науки советского периода — Я. Пердени и Я. Виммера [11; 13]. В них были затронуты вопросы, классические для польской историографии: участие Речи Посполитой в Северной войне и борьба польских властей за Правобережную Украину.

Многие из этих сюжетов рассматривал и другой известный польский историк — Анджей Сулима Каминский. В частности, он изучал деятельность польских конфедераций времен Северной войны — выступавших как в поддержку С. Лещинского, так и против него (соответственно — за союз с Петром I) [7–9]. Каминский также входит в число серьезных исследователей, базировавшихся, в частности, на материалах РГАДА. Его переезд в США сопровождался выходом новой монографии на английском языке [10], написанной на старом багаже, но с определенными аспектами, заявленными в названии. В его книге демократическая Речь Посполитая противостояла авторитарной России. В книге подробно рассматривался также период правления Федора Алексеевича и царевны Софьи. Углубляясь в предысторию противостояния России и Речи Посполитой, Каминский приходит к выводу о том, что у русских государственных деятелей был укорененный страх перед Речью Посполитой, поэтому политика Петра в отношении Речи Посполитой носила характер иррациональный, была основана на страхе и ненависти ко всему польскому. Анализируя поворотный период в отношениях между двумя восточноевропейскими державами, когда Речь Посполитая потеряла контроль над Левобережной Украиной и Киевом, отошедшими России, и в результате королем был избран саксонский курфюрст, Каминский признает, что то время как Россия становилась сильнее в международной сфере, в Речи Посполитой начался упадок, который в конечном итоге

привел к тому, что все больше ее территорий поглощалось противниками. Основное внимание в книге уделяется дипломатическим отношениям между двумя державами, при этом используются документы соответствующих ведомств, ответственных за иностранные дела. Каминский показывает, как Речь Посполитая и Россия воспринимали друг друга и как решительно изменились судьба Украины и расстановка сил в Восточной Европе за эти годы. Он утверждает, что царь полностью игнорировал Речь Посполитую в своей иностранной политике. Для Каминского Петр — сумасшедший деспот, на решения которого не имели влияния никто из его окружения.

Различным аспектам польской дипломатии начала правления Августа II посвящены работы Ю. Геровского [4–6]. Петр I в его работах не является центральной фигурой, равно как и в трудах другого польского исследователя правления Августа II Б. Дыбоша [3]. Известному польскому историку Я. Сташевскому, начавшему свою карьеру еще в советский период, в политике Августа II наиболее были интересны отношения Речи Посполитой с Саксонией и Францией [12].

В этом смысле серьезным исключением является работа Я. Бурдовича-Новицкого, в которой центральной фигурой наравне с Августом II выступает сам Петр Великий [2]. В книге, которая является продолжением предыдущих исследований автора [1] использованы многочисленные опубликованные материалы, а также некоторые документы РГАДА (Ф. 79: Сношения России с Польшей). Кроме того, в книге введен в научный оборот обширный массив документов из собраний Берлина и Дрездена.

Польский историк считает, что реформы, «которые были проведены в России Петром Великим, принадлежат к историческим явлениям, зафиксированным в самосознании потомков как переломные». По мнению Бурдовича-Новицкого, изменения, происходившие в период, предшествовавший правлению царя-реформатора (в частности при В. В. Голицыне и царевне Софье), носили характер случайный и обычно вскоре отменялись, Петр I начал их проводить заново. При этом мнимый упадок реформ Императора (Бурдович-Новицкий пишет «император» с большой буквы) после его смерти имел ограниченный характер. Историк полагает, что, убивая собственного сына, Петр ликвидировал единственного человека, который мог остановить ход перемен. В книге высказывается идея «открытой Западу Российской Империи».

Возвращаясь к своему тезису, Бурдович-Новицкий пишет, что исследователи, подчеркивая значения перемен, случившихся в России во второй половине XVII в., часто забывают, что они носили только переходный характер. Сравнивая реформы Петра с реформами Голицына и Софьи, он отмечает, что «начиная с 1699 г. Петр создал современную армию практически с нуля» [2, с. 22]. Если его родственники пытались менять архаичные московские военные силы, то Петр посвятил много внимания организации и обучению своей собственной армии — потешных полков. Петр также в юности нашел себе увлечение на всю жизнь — морское судоходство.

Переломным для Петра Бурдович-Новицкий считает 1694 г. Тогда, по его мнению, Петр казался еще юнцом, устраивавшим под Москвой игрища, получившие названия «потешные маневры».

Опираясь на свидетельства современников, польский историк пишет, что тогда еще планы молодого царя не были заявлены — Петр не был уверен, которое из морей Каспийское, Балтийское или Черное — должно стать в центре его интересов, что за этим последует, на кого должно обратить оружие — на Персию, Швецию или Турцию. Решительность царя привела к постоянным войнам, продолжавшимся до самого конца его правления — поочередно с Турцией (1696–1700), Швецией (1700–1821), Персией (1722–1723). По окончании одной войны Петр приступал к другой [2, с. 23]. То, что он всю жизнь действовал с такой решительностью, по мнению Бурдовича-Новицкого, должно было иметь более глубокую основу, чем простая жажда битвы. Историк считает, что это было видение трансформации России в морскую и торговую державу, контролирующую хождение товаров между Азией и Европой. Гигантские планы, включавшие перехват контроля над торговлей персидской и индийской, как отмечено в книге, имели давние корни: это пытались делать еще Федор Алексеевич и царица Софья. Трудности были и с поставками товаров в Западную Европу — Архангельск, единственный российский морской порт, из-за своего северного расположения был доступен только летом, а дальнейший путь от туда был долгим и трудным. Поэтому идея получить свободный доступ к «варяжскому морю» многие века существовала в голове у российских политиков. Но Петр придал этой идее новый вид — культурный, вместе со стремлением открыться Европе и европеизироваться.

В книге рассматривается предыстория внешней политики Петра и утверждается, что направления экспансии московского государства оставались неизменными с XV в.: северно-западное — битва со шведами за земли по Финскому заливу, открывавшие выход в Балтийское море, юго-восточное — российское «движением на восток» — колонизация огромной Восточно-европейской равнины до самого Черного и Каспийского морей (с дальнейшей перспективой колониальной экспансии в Северную и Среднюю Азию). Препятствием тут встали неизменные старые правители Руси — буджакские татары, которые несмотря на покорение Казани, Астрахани и Сибири, оставались преградой до тех пор, пока сохраняли за собой Крым. Другим вопросом здесь со времен Алексея Михайловича была экспансия в украинные воеводства Речи Посполитой.

Бурдович-Новицкий не соглашается с тезисом А. С. Каминского, что царь ненавидел все польское и полностью игнорировал Речь Посполитую в своей иностранной политике. В подтверждение своего мнения историк приводит примеры, что Петр носил польский кафтан, а во время потешных боев один из полков выступал за «короля польского». Кроме того, он приводит многочисленные ссылки на донесения Винуса Петру о «польских делах» (из «Писем и бумаг императора Петра Великого»).

В книге поворотным моментом, после которого исчезает «пассивность» Петра по отношению к Речи Посполитой, названо нахождение Великого посольства в Пруссиях, точнее, видимо, именно переговоры с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III [2, с. 97]. Именно тогда Август II через царского резидента в Польше А. В. Никитина просит Петра о военной помощи против претендента на престол принца де Конти.

Автор отмечает, что еще в предвыборных обещаниях Август говорил о расширении польских границ на юг, в частности за счет «Подолии, Украины, Валахии и Молдавии» [2, с. 115]. Это могло стать полем для потенциальных конфликтов, т. к. в планах Петра было в случае заключения выгодного для России мира с Османской империей «стать опекуном» над восточными христианскими территориями султана [2, с. 133]. Зато в отношении Швеции планы короля и царя совпадали. Находясь в Варшаве Август усыплял бдительность шведского посла Веллинга, равно как и Петр в Москве [2, с. 164].

Далее Бурдович-Новицкий подробно разбирает историю создания Северной Лиги и войны против Швеции. Считается, что договоренность о начале Северной войны была достигнута во время личной встречи Петра и Августа II В Раве Руской [2, с. 172]. По мнению историка, хотя эти переговоры и были поворотным моментом, мысль атаковать Швецию зародилась не там. В монографии говорится: «Можно выразить осторожное предположение, что уже покидая Москву с великим посольством в 1697 г., Петр скорее думал о будущих сражениях над Балтикой, чем о войне против Турции» [2, с. 175]. Ссылаясь на Эрика Дальберга, Бурдович-Новицкий отмечает, что тот от своих шпионов уже в тот период имел известие, что Петр думает о получении портов над Балтикой, чтобы оттуда управлять потоками товаров из Персии, Индии и Китая.

Поэтому, по мнению Бурдовича-Новицкого, Петр прибыл в Раву уже с довольно зрелой концепцией войны против Швеции, в отличие от Августа, про которого у него противоположное мнение. Бурдович-Новицкий считает несомненным, что Петр рассказывал Августу о планах добычи балтийских портов и, вероятно, указал, что как предлог к войне представит обиды, нанесенные его посольству в Риге, а также желание вернуть украденные «отчины». Историк допускает, что в ответ Август обещал Петру помощь в войне со Швецией, хотя не ясно, в какой форме [2, с. 179].

Таким образом, в монографии представляется концепция политики царя Петра по отношению к Речи Посполитой и начало ее реализации, анализируется, как создавались политические принципы и методы, использованные Россией в деле расширения своего влияния на Польшу.

Рассматривая детали планов Петра, Бурдович-Новицкий считает, что план Петра опирался на дедичские права России на Ингрию и часть Карелии, а это позволяло говорить о расширении претензий на всю Ливонию, а тем более — на главного виновника, Ригу [2, с. 185]. Эту разницу четко уловил Иоганн Паткуль, ливонский оппозиционер, который осенью 1698 г. был вызван Августом II и стал главным разработчиком плана по завоеванию Ливонии.

Рассматривая геополитическую ситуацию и положение России и Речи Посполитой, Бурдович-Новицкий отмечает, что поляки представляли для россиян угрозу из-за своих отношений с Крымом и Османской империей. Связи поляков с мусульманскими врагами царя могли быть использованы Карлом XII в целях создания большой антирусской коалиции. Тогда России мог угрожать союз трех вечных врагов. Существовала также возможность нарушения польскими магнатами подданства казаков — в этом смысле автор рассматривает выступление Семена Палея (хотя и отмечает его прорусский характер) [2, с. 293].

В этом смысле автор опять-таки оценивает политику Петра с точки зрения торговых планов. По его мнению, именно в этом смысле смотрел Петр на земли Речи Посполитой, а именно на Днепр и Двину. Эти планы Бурдович-Новицкий считает принадлежащими к наиболее скрываемым секретам российской канцелярии [2, с. 343]. Здесь высказывается неожиданная версия, что именно в этом русле находились усилия А. Д. Меншикова по покупке земель. Автор считает, что княжеские титулы, полученные фаворитом от царя и цесаря носили не только внешний характер. Меншиков, в частности скупал огромные территории в Речи Посполитой — Полонное, Межиреч и Корец. То есть князь старался получить контроль над важнейшими пунктами горного берега Днестра и Днепра, а также над территориями, на которых можно было построить соединяющий их канал [2, с. 345]. Посол Кейзерлинг именно так оценивал усилия Меншикова по получению приграничных «литовских территорий». И в этом смысле Бурдович-Новицкий видит параллель с границами, заложенными в плане раздела Речи Посполитой, со ставленным в 1711 г.

Именно такой метод завладения территориями Речи Посполитой, по его мнению, использовался Петром на протяжении 1702–1704 гг. для получения Правобережной Украины. Для начала, нарушая Гжимултовский договор, Россия поддержала бунт казаков Самуся и Палия, затем оказала им военную помощь, а в 1703 г. напрямую вмешалась в конфликт. Тут очень интересно, что польский историк высказывает мнение, отличное от устоявшегося в российской и украинской литературе, он пишет, что «для польской стороны российская инспирация палиевщины была очевидна». Затем русские заняли оккупированные казаками замки, избавившись на этом этапе от казацких вожаков [2, с. 347]. Следует отметить, что данное утверждение весьма спорно, если принять во внимание, что власть перешла не напрямую к российским войскам, но к отрядам Войска Запорожского. Дальнейшая оценка политики Петра в отношении Правобережья как «игры на проволочку» тоже не так однозначно, если иметь в виду бесконечные просьбы со стороны гетмана Украины к Петру оставить за ним Правобережье. Но Бурдович-Новицкий склонен преувеличивать заинтересованность Петра в разжигании бунтов Палия и Самуся, равно как и намерение аннексировать данные территории. В этом смысле он подробно анализирует инструкции резидента в Литве П. Н. Готовцева.

Гораздо более убедительным представляется утверждение, что Петр в этот период стремился удержать в союзе с собой хотя бы часть Польши и не допустить выхода литовских конфедератов из войны [2, с. 350]. Уже очень скоро после начала Северной войны Петр не мог рассчитывать на союз со всей Речью Посполитой. Очень интересным является предположение автора, что Петр считал вероятным утверждение Карлом XII отдельной власти в Великом княжестве Литовском с помощью Сапег. На этом фоне, по его мнению, возник план Петра об отсоединении в какой-нибудь форме Великого княжества Литовского и подчинения его России. Правда, Бурдович-Новицкий довольно осторожно характеризует этот план исключительно как личное предложение, а не тайный план или сценарий аннексии. Но зато он подчеркивает, что с началом Северной войны Россия «в гораздо большей степени была вовлечена в политическую жизнь Речи Посполитой».

Одной из причин такого вмешательства стало возведение на трон Станислава Лещинского. Автор обращает внимание на манифест Петра, согласно которому любой поляк, который нарушил лояльность легально избранному королю, должен был ожидать жестокой расправы со стороны царя. Петр обещал «преследовать их до конца, искореняя из Речи Посполитой», очищая «наше соседство от таких плохих людей» [2, с. 408]. Польский историк подробно анализирует этот манифест Петра, т. к. считает, что именно в нем особенно ясно видна его роль как посредника между королем и Речью Посполитой, способного решить царящие в польской стороне беспорядки. Этот вывод весьма важен особенно если учесть события второй половины Северной войны (пост-Полтава).

По мнению Бурдовича-Новицкого, в 1703 г. Петр добивается нового договора с Августом, т. к. личный союз с ним для него намного важнее союза с Речью Посполитой [2, с. 409]. Во время польско-русских переговоров в декабре 1703 г. поляки пытались добиться, чтобы территория в районе Киева оставалась пустой, а также полного права Польши над этой территорией [2, с. 449]. При этом Бурдович-Новицкий использует интересные и малоизвестные польские источники, а также материалы РГАДА. Он отмечает, что в полномочиях польского посла Дзялынского в то время уже речи не было о возврате Смоленска или Киева или согласии Петра на заселение поляками правого берега Днепра, остававшегося по условиям Вечного мира 1686 г. пустым. Единственное, на чем настаивали поляки, — это возврат правобережных крепостей, занятых Палием. Именно этот пункт стал основным для установления союзнических отношений между Петром и Августом [2, с. 465]. Союз этот должен был продлиться до конца войны и, хотя по мнению автора, он был очень выгодным для России, Петр не мог догадываться, что Август предполагал ограничить действие союза до двух лет.

Следующим поворотным пунктом стала «елекция» С. Лещинского. Именно после этого Петр задумывается о непосредственном введении войск на территорию Речи Посполитой. Именно как политический манифест рассматривает автор прибытие в Речь Посполитую корпуса в 1704 г. и оккупацию Правобережной Украины силами И. Мазепы. В этих условиях Август мог только настаивать на немедленном введении основных сил русской армии и угрожал в противном случае выйти из альянса, сложить польскую корону и удалиться в свою Саксонию [2, с. 519]. Достаточно любопытно указание и на то, что положение Августа было настолько тяжелым, что он был вынужден довольствоваться формальными жалобами на грабежи, предпринятые украинскими казаками в Литве. «полностью фикцией» были и ответы Петра [2, с. 565].

В книге желание Петра удержать корону за Августом оценивается как искреннее, и в этом смысле рассматривается очередной царский манифест, в котором приоритетом царской политики ставилась защита трона Августа, причем Петр обещал «приложить к этому все свои силы». При этом Бурдович-Новицкий отмечает интересное заблуждение Петра, который был уверен, что одного появления Августа в Польше должно быть достаточно, чтобы вокруг него объединились его сторонники [2, с. 571].

В завершение следует отметить, что Бурдович-Новицкий явно симпатизирует Петру. В частности, рассматривая события 1706 г., он пишет про отказ Августа II от короны и отмечает, что для царя это был «страшный удар».

Таким образом, польская историография о Петре Великом представляет собой весомый и интересный вклад в дискуссию о внешней политике царя-реформатора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Burdowicz-Nowicki J. Między Wiedniem i Petersburgiem. Uwagi na temat międzynarodowego położenia Rzeczypospolitej w XVII i XVIII w. // Między Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVIII w. — Warszawa, 1993. — S. 169–177.
2. Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Ryeczpospolita 1697–1706. — Kraków, 2010.
3. Dybaś B. W poszukiwaniu modelu rządów w początkach panowania Augusta II w Polsce 1698–1700 // Klio. — 2002. — N2. — S. 101–118.
4. Gierowski J. August II w świetle brunszwickiego “Post Zeitung” // Między zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego. — Toruń, 2003. — T. II. — S. 173–183.
5. Gierowski J. Dyplomacja polska doby saskiej (1699–1763) // Historia dyplomacji polskiej. — Warszawa, 1982. — T. II: 1572–1795. — S. 331–481.
6. Gierowski J. Europa wobec unii polsko-saskiej // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego, Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na wychodźstwie. — Warszawa, 1994. — S. 56–67.
7. Kamiński A. S. Konfederacja Sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadukim 1706–1709. — Wrocław, 1969.
8. Kamiński A. S. Początki antyszwedzkiego sojuszu. Ze stosunków polsko-rosyjskich 1704–1706 // Przegląd Historyczny. — 1969. — T. 60, z. 2. — S. 291–311.
9. Kamiński A. S. Przeciwno Szwedom i Leszczyńskiemu. Działania wojsk rosyjskich na terenie Polski w 1705–1706 roku // Studia i Materiał do Historii Wojskowości. — 1966. — T. XII, cz. 2. — S. 230–259.
10. Kamiński A. S. Republic vs. Autocracy. Poland-Lithuania and Russia 1686–1697. — Cambridge, 1993.
11. Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej Szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII w. — Wrocław, 1963.
12. Staszewski Jacek, August II Mocny. — Wrocław, 1998.
13. Wimmer J. Wojsko Ryeczpospolitej w dobie wojny północnej (1700–1717). — Warszawa, 1956.